

Л. С. Перепелкин, О. И. Шкартан

**ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СУВЕРЕНИТЕТ РЕСПУБЛИК
И ПУТИ РАЗВИТИЯ НАРОДОВ**
(теоретическая дискуссия вокруг
вопросов практической жизни)

Летом прошлого года, под впечатлением от серьезнейших событий в области национальных отношений, таких, как армяно-азербайджанский конфликт из-за государственной (республиканской) принадлежности Нагорного Карабаха, организация и формулирование программ Народных Фронтов в республиках Прибалтики, судьбы монокультурной ориентации экономик в республиках Средней Азии и некоторых других, связанных с экономическими отношениями в рамках нашего Союза, авторы этих строк совместно с В. В. Коротеевой написали статью под названием «От бюрократического централизма к экономической интеграции суверенных республик», опубликованную в том же году в № 15 журнала «Коммунист». Вслед за нашей статьей, благодаря оперативности журнала «Коммунист», одна за другой вышли в свет статьи наших коллег В. А. Тишкова и С. В. Чешко. Одновременно журнал «Вопросы истории» опубликовал статью академика Ю. В. Бромлея, также содержащую критический отзыв на нашу работу¹. Нам известно о различной и разнонаправленной реакции на статью в республиках Прибалтики, Средней Азии и других регионах. И если бы не то обстоятельство, что речь идет о жизненно важном вопросе, задевающим судьбы народов страны, мы бы считали себя вправе ограничиться короткой репликой с благодарностью за критику и замечания. В данном же случае вновь приходится, принеся извинения читателю за определенную торопливость и тезисный характер некоторых суждений, ответить нашим оппонентам.

Напомним, к чему сводились основные положения статьи в журнале «Коммунист», как, впрочем и других близких по времени наших публикаций².

Тезис 1. В стране не получил должного развития ленинский принцип союза национальных государств, реализовалась сталинская модель автономизации. Реорганизация многих министерств из союзно-республиканских в союзные уже в 1985—1987 гг. завершила этот процесс.

Тезис 2. Помощь передовых районов отставшим приобрела патерналистский характер, при котором был нарушен принцип их естественного, органичного развития, а за кажущейся безвозмездностью скрывалось навязывание отставшим народам темпов, форм и направлений экономического роста. В результате в СССР не только сохранились, но и возросли сильные различия в уровнях социально-экономического развития республик.

Тезис 3. Финансовая или иная помощь отсталым республикам — частный случай перераспределения всех произведенных в республиках ценностей через центральный и республиканские бюрократические аппараты. Это перераспределение игнорировало результативность труда населения той или иной республики и служило одной из причин повышенной межнациональной конфликтности. Перераспределительные отношения, вместе с тем, составляли основу могущества центрального и местного бюрократического аппаратов. Сложилась ситуация, в которой союз бюрократов центра и мест явно подменил собой союз народов.

Тезис 4. Решая перспективные задачи интеграции экономик всех республик Союза в интересах каждого народа, необходимо именно в силу многолетнего господства бюрократического, насильственного централизма (будем называть его унитаризмом) всячески стимулировать экономический суверенитет, самоорганизацию республиканских экономик (их «самохозяйствование»), что в других, менее точных терминах получило название «республиканского хозрасчета». Экономический суверенитет республик означает их самостоятельность в использовании своих ресурсов, проведении социально-экономических программ и выработке стратегии социально-экономического развития. В связи с этим мы с обо-

странным интересом изучили опубликованный в марте 1989 г., когда эта статья уже была написана, Проект «Общих принципов перестройки руководства экономикой и социальной сферой в союзных республиках на основе расширения их суверенных прав, самоуправления и самофинансирования»³. Этим документом намечена передача значительной части предприятий из союзной в республиканскую подчиненность, что означает перераспределение властно-собственнических полномочий между центральной и местной бюрократиями в пользу последней. Задача же состоит в республиканском самохозяйствовании на основе хозяйственности, экономической самостоятельности основного звена народного хозяйства — предприятия, имеющего право свободной кооперации в любой форме и с любым контрагентом, право свободного выхода на республиканский, союзный и мировой рынки. При союзнических отношениях не центр должен предоставлять права суверенным республикам, а напротив — последние добровольно должны делегировать определенную часть своих суверенных прав центру на основе союзного договора и консенсуса всех республик.

Тезис 5. Необходимо четко различать функции первичной территориальной общности в социальном воспроизводстве индивида и функции этнической территории в воспроизводстве этничности. Здесь дело не в географических масштабах, не в квадратных километрах. И малые, и большие народы в качестве базы своего воспроизводства имеют этническую территорию, которую можно рассматривать как самостоятельную экономическую единицу, создающую возможность для всестороннего развития человека — этнофора. Поэтому принципиальное стратегическое значение имеет борьба за сбережение этой территории как основного ресурса национального воспроизводства, сохранения и развития национального языка и культуры. Очевидно, что этническое воспроизводство имеет более многосторонний характер, чем социальное воспроизводство индивида. Народ в целом для своего успешного развития нуждается в широком разнообразии сфер приложения труда и видов занятий⁴, форм образования и учреждений культуры, возможностей для отдыха и т. д. Однако на уровне территориальных общностей (поселенческих и административных единиц) подобного разнообразия достичь труднее, да и не всегда возможно. Поэтому, на наш взгляд, недостаток разнообразия компенсируется при помощи средств коммуникации и миграцией населения, в том числе и маятниковой.

Именно последний тезис вызвал наибольшие возражения оппонентов, которые указали на тот факт, что в СССР нередко территория, численность населения и экономический потенциал союзных республик меньше, чем аналогичные характеристики внутринациональных российских регионов. И в этом отношении наш пример — сопоставление Горьковской области и Эстонии — был воспринят так, словно бы мы унизили права и потребности жителей Горьковской области. По логике критиков, как и некоторых других авторов⁵, территориальные единицы должны пользоваться одинаковыми правами и выполнять одинаковые обязанности перед центральными органами (например, отчислять по установленным нормативам средства в госбюджет).

Мы совсем не отрицаем очевидного факта, что «на территории Горьковской области живут не просто „люди“, а преимущественно русское население, которому также необходимо воспроизводить свою национальную культуру»⁶. Различие в том, что Горьковская область — часть России, а Эстония — не часть, а этническая целостность. Сопоставлять следовало бы «на равных» (конечно, не в арифметическом, а в функциональном смысле), скажем, Горьковскую область и Ракверский район Эстонии. Тогда все становится на место. Речь идет не об объеме ресурсов — ясно, что маленький Раквере и гигантский Горький в этом отношении несоизмеримы, — а о функциональном их назначении. В обоих случаях нет системной компоненты — «ответственности» за национальное воспроизводство в целом. Ведь комплексное целостное воспроизводство народа и его культуры осуществляется на всей этнической территории⁷. И в этом смысле Россия в целом и русские как единый народ являются единицей в этнической структуре человечества, равнозначной Латвии и латышам, Украине и

украинцам, Грузии и грузинам и т. д. вне зависимости от численности народа, размера его территории и мощи национальной (т. е. государственной, республиканской) экономики.

Однако внимательное знакомство с доводами критиков убедило нас в том, что речь идет не только о недоразумении, которое легко рассеять, прояснив свою позицию. Налицо глубинное расхождение точек зрения на сущность этнического и особенно природу и пути развития этносов в современном мире. Так, В. А. Тишков видит за концепцией экономического суверенитета республик (народов) тенденцию к хозяйственной автаркии национальных государств, с которой «трудно совместить организацию современного высокоэффективного производства»⁸. Другими словами, экономическая жизнь современного общества осуществляется в каких-то иных структурах, нежели нации и национальные государства. Наиболее однозначно эту мысль выразил С. В. Чешко: «Сами этносы превратились (к настоящему времени. — Л. П., О. Ш.) из функционально первичных коллективов в общности, переставшие играть важную или даже всякую роль в материальном воспроизводстве. Их главное предназначение — духовное воспроизводство...»⁹.

В недавно вышедшей статье В. А. Тишков с вызывающей уважение тревогой за судьбы Родины пишет: «Нужно ответить определенно: если мы ставим цель создания подлинно современного сообщества, способного обеспечить наилучшие условия существования его членов на основе самых передовых форм труда и демократического устройства, то такое сообщество и его государственная форма не совместимы с абсолютизацией статуса части составляющих его единиц»¹⁰. К сожалению, идеальные модели много раз уже подводили их авторов, хотя строились и из лучших побуждений, и на самом передовом опыте. Но беда в том, что реальные интересы реальных людей (и народов) не лежат на оси оптимальных одновекторных направлений прогресса. Всячески поддерживая стремление поскорее увидеть все народы Союза процветающими, мы задаемся вопросом, как этого достичь, не навязывая им наших представлений об их же благе.

В. А. Тишков в качестве возможной модели для развития СССР предлагает присмотреться к позитивному опыту таких федераций, где административно-территориальное деление опирается прежде всего на пространственно-хозяйственные связи, а не обязательно совпадает с границами национального размежевания.

Действительно, этот вариант дает определенный выигрыш, но лишь в том случае, если эти связи естественны, оптимальны и высокорентабельны. В нашей же стране они складывались преимущественно в интересах и для удобства центрального управленческого аппарата. Но и это не главное. Гораздо важнее — может ли сам по себе критерий экономической эффективности планируемого из центра территориального разделения труда, создаваемых по инициативе центральных органов экономических комплексов, быть необходимым, достаточным и приоритетным по отношению к национальным интересам, национальному развитию. И если это так, то почему вся история XX в. демонстрирует нарастающее стремление народов к созданию по преимуществу мононациональных государств, федерализации унитарных государств (Канада, Бельгия и т. д.), разделения политических сообществ по этническим границам? И почему на этой конкретной национальной основе возникают условия создания транснациональной интеграции?

Как видим, речь идет о принципиальных расхождениях в оценке оптимальной организации многонациональных государств: должны ли являться их основными компонентами (субъектами Союза) национальные республики (суверенные государства), или же — административно-территориальные единицы (штаты, кантоны, края), где в основе лежат территориально-производственные комплексы.

Ниже мы попытаемся обосновать концепцию экономического суверенитета республик.

Воспроизводство этносов и развитие человечества. В советской науке давно уже укоренилась точка зрения на этнос как на специфическую социальную группу, единство которой, во-первых, базируется на общности культуры (понимаемой как «способ жизнедеятельности»¹¹) и, во-вторых, осознается, а тем самым цементируется этническим самосознанием. Некоторые авторы при этом отмечают, что плотность информационных связей внутри этноса выше, чем между этническими группами. Диахронные информационные связи обеспечивают этническую преемственность, т. е. существование этноса во времени, а синхронные стабилизируют этнос в пространстве¹².

Вероятно, подобный ход рассуждений привел Ю. В. Бромлей к необходимости рассмотреть этнос в двух формах — как этникос и этносоциальный организм (ЭСО). Если этникос охватывает, например, все русское население мира, осознающее себя таковым, связанное тысячами нитей с наследием русской национальной культуры, то ЭСО включает лишь русское население соответствующего территориально-политического образования — РСФСР. Кроме общего культурного наследия (этнической традиции или диахронного потока информации), русские РСФСР обладают очевидным социально-экономическим единством, т. е. наиболее сильными и значимыми синхронными связями.

Для нас актуальны следующие суждения Ю. В. Бромлей относительно ЭСО: «Среди компактных этнических образований особое место занимают те, что сопряжены с так называемыми социальными организмами, под которыми нами понимаются отдельные территориально-политические (потестарные) общности (общества), представляющие собой самостоятельные макроединицы общественного развития (племена — в первобытном обществе, государства — в классовом). Возникающие при этом особые образования во многих случаях обладают относительной самостоятельностью, обеспечивающей наиболее благоприятные условия для устойчивости этноса и его воспроизводства»¹³.

Эти положения и легли в основу наших выводов и предложений об экономическом суверенитете республик. И к сожалению, первым открыл огонь критики по своим же в сущности идеям, переведенным нами с языка теории на язык политических мероприятий, именно Ю. В. Бромлей. При этом он переместил акцент с воспроизводства этноса как целостной системы на воспроизводство этноса как суммы региональных внутриэтнических групп: «...без участия жителей этой (т. е. Горьковской. — Л. П. и О. Ш.) области не может быть обеспечена задача воспроизводства национальной культуры как отдельных частей этноса, так и его в целом»¹⁴. Зачем автору понадобилась подобная аргументация? А чтобы доказать необходимость равных масштабов отчислений из госбюджета на социально-культурную инфраструктуру этносов и внутриэтнических групп в зависимости от численности их населения и экономического потенциала¹⁵. Мы же придерживаемся иной точки зрения — средства на развитие социально-культурной инфраструктуры должны зарабатывать населением данной территориальной общности (от поселения до республики включительно), а не перераспределяться аппаратом через центральный бюджет. Получается, что в одном месте своей работы критикуя «командно-административные методы управления» воспроизводственными процессами¹⁶, Ю. В. Бромлей через несколько страниц в той же работе их поддерживает.

Наконец, последний тезис Ю. В. Бромлей против концепции экономического суверенитета республик: «функцией территорий республик, большинство из которых ныне многонациональны, является воспроизводство культуры не одной нации (так называемой коренной), а культур всех населяющих ее народов»¹⁷. Допустим, что русская национальная культура без ущерба, как целостность воспроизводится, например, в США, где есть большая русская община, украинская — в Канаде, где украинцы составляют третью по численности национальную группу. Но означает ли это, что США и Канада являются центрами развития русского и украинского народов и их культур? Тот же вопрос можно задать относительно многих народов СССР, которые имеют большую диаспору вне своих национальных республик (таджики, армяне и т. д.). И ответ на него

очевиден: народы и их национальные культуры, понимаемые как целостность, единство, развиваются на своей этнической территории, в месте проживания «ядра этноса». Подмена проблемы развития национальных культур их воспроизводством¹⁸ имеет однозначную тенденцию — снять с повестки дня вопрос о республиканском суверенитете.

Но продолжим ход наших рассуждений по проблемам этнического развития. Вслед за Ю. В. Бромлеем мы рассматриваем ЭСО (или ядро этноса) как основную структурную единицу развития человечества¹⁹, обладающую не только культурным (что характерно для этноса в целом), но и территориальным, экономическим и политическим единством, иными словами, большей актуальностью синхронных связей по сравнению с диахронными. Не вызывает сомнений первичность этих связей и вторичность диахронных (т. е. культурных, если понимать культуру в узком значении, согласно Ю. В. Бромлею). Первичные, преимущественно производственные связи, осуществляя «обмен веществ» между ЭСО и освоенным им природно-экологическим локусом (нишей), постоянно поддерживают физическое существование, воспроизводство и развитие этнического ядра и, следовательно, всего этноса. Именно недооценка данных первичных связей в жизни современных народов характерна для наших оппонентов.

Представление об этносе как о социальном организме предполагает, что можно выделить этапы его существования, соответствующие зарождению и становлению, достижению определенной «зрелости» и, наконец, «старению», а при некоторых условиях и исчезновению²⁰. Эти понятия могут вызвать определенный протест наших читателей, которые в эпоху гуманизации жизни и мышления рассматривают многоцветье этнического состава человечества как важнейший «срез» возрастающего разнообразия общества. Мы также стоим на этой позиции. Но история учит, что, увы, нет таких объектов, явлений, ситуаций в жизни общества, которые были бы вечны; лишь индивид и общество как система этих индивидов образуют устойчивую «решетку» переменчивой социальной ткани. Этноты живут и, следовательно, проходят все нормальные фазы существования живого объекта (организма) — от возникновения до реального исчезновения (например, слияния, разделения, трансформации, поглощения одного этноса другим и т. д.).

Материальными предпосылками зарождения этносов во всех случаях являются интенсивные социально-экономические и политические связи внутри определенной территориальной общности людей²¹. Важнейшим фактором становления этнического единства, как мы полагаем, является уникальность освоенной общностью в ходе ее хозяйственной деятельности природно-экологической ниши.

Общественные связи по поводу экологического освоения уникальной в природно-экологическом плане территории лежат в основе формирования единой этнической культуры («способа жизнедеятельности», включая хозяйственные традиции). Психологический механизм этого процесса исследован А. Н. Леонтьевым, который писал, что усвоение человеком культуры общества осуществляется двояким способом: при помощи вербальной передачи опыта (общения) и через манипуляцию созданными данным обществом артефактами (в первую очередь за счет орудийной деятельности)²². Синтез этих процессов достигается в общей хозяйственной деятельности данной группы. Передача накопленного опыта последующим поколениям неизбежно ведет к становлению общего самосознания данной группы, осознанию своего отличия. Так возникают новые этнические группы, а важнейшим маркером их появления является этноним. (Конечно, потребность в собственном этническом имени усиливается при наличии межэтнических контактов²³).

Итак, с появлением этнического самосознания и этнонима заканчивается процесс становления этноса. Но этнические образования на ранних стадиях весьма непрочны, исчезают так же быстро, как и появляются. Тысячи народов (известных нам из исторических источников лишь по именам), в конечном счете

растворившихся среди своих соседей, представляли собой именно такие молодые этносы. Лишь немногие народы достигают ступени «зрелости». Важнейшее условие этого, как мы полагаем, — возникновение сопряженной с данным этносом социально-политической структуры (в первую очередь, национального государства).

Именно на этом этапе «зрелости» стабилизируется ЭСО (ядро этноса) и возникает его периферия, включающая не входящие в ядро части этнического. Показательно, что основные новационные процессы протекают в этническом ядре, а этническая периферия обычно более инертна и даже архаична²⁴. Это отражает гигантскую роль социально-политических (и в первую очередь — государственных) структур для социально-экономического и культурного развития этносов. Многие авторитетные мыслители указывали на важную роль национального государства. Сошлемся, например, на мнение Ф. Энгельса, высказанное в 1893 г.: «Интернациональный союз возможен только между нациями, чье существование, автономия и независимость во внутренних делах включаются, следовательно, в само понятие интернационализма»²⁵. Это отношение к национальной государственности как нормальной и необходимой форме национальной жизни разделяли и многие гуманистически ориентированные мыслители — немарксисты, например Н. А. Бердяев, который писал: «Через государство раскрывает нация все свои потенции. С другой стороны, государство должно иметь национальную основу, хотя племенной состав государства может быть очень сложным и многообразным... Государство, не имеющее национально-государственного ядра и национальной идеи, не может иметь творческой жизни»²⁶.

Фактически все быстроразвивающиеся современные государства или мононациональны (например, Япония), или имеют в своей основе этническое ядро крупного народа (таким этническим ядром можно считать, например, WASP в США). И наоборот, все существовавшие в начале XX в. империи, включавшие несколько ЭСО, в конечном счете развалились (Австро-Венгерская, Британская империи). Современные многонациональные страны или своим государственным устройством предполагают суверенитет входящих в них народов (СССР, ЧССР, Югославия, Бельгия и т. д.), или включают народы, не достигшие фазы «зрелости» (а также по выражению Ф. Энгельса, «обломки» прежних народов²⁷ — это большинство африканских стран), или имеют многочисленные инонациональные мигрантские группы, живущие вне основной территории своего этноса (США, ФРГ и т. д.). Иными словами, все это варианты «чистой модели» национального государства. И как раз отход от нее сопряжен с повышенной межнациональной конфликтностью (Ольстер в Великобритании, палестинская проблема в Израиле, движение сикхов в Индии, столкновение между тамилами и сингалами в Шри-Ланке и т. д.).

Появление национального государства существенно повышает жизнестойкость этноса. Есть множество исторических примеров, когда народы утрачивали свои национальные государства и восстанавливали их снова. Такова, например, судьба поляков, норвежцев, и др. Однако в определенных исторических ситуациях восстановить национальную государственность невозможно или затруднительно. В этих случаях, согласно нашей концепции, наступает период «старения» этноса. Он еще существует в виде этнического, но уже потерял свое «этническое ядро». Реальные синхронные социально-экономические и политические связи, а иногда и территориальное единство отступают на второй план перед связями диахронными (т. е. культурными в узком значении). Постепенно не подкрепленное реальным социально-экономическим и политическим единством размывается и самосознание. Этнос подходит к грани исчезновения, т. е. ассимиляции другими этносами, трансформации и т. д.

Этническое (культурное) многообразие — достояние всего человечества, важнейший механизм его развития²⁸. Человечество, состоящее из множества народов, как бы использует для движения вперед одновременно тысячи путей, одни из которых — тупиковые, но другие открывают дорогу всем. Именно поэтому еще недавно столь популярные идеи о слиянии народов мира, об уменьшении

этнокультурного разнообразия и упрощении этнической структуры человечества²⁹ неверны, а исходившая из них практика — преступна.

Понятно, что сохранение этнического многообразия может быть обеспечено лишь правильной воспроизводственной политикой. На первый план мы выдвигаем два аспекта этой политики: а) органичность, т. е. отсутствие патологических ломок, опора на этническую традицию, и б) возрастающее разнообразие деятельности и социальных структур³⁰. Рассмотрим эти вопросы подробнее. Как мы писали выше, система этнической культуры формируется при освоении этносом определенной природно-экологической ниши. Непосредственным выражением этого единства «этнос — территория» является тип хозяйственной деятельности и шире — вся культура жизнеобеспечения. Более того, «...технологичными в глубинном функциональном значении оказываются не только орудия производства, мосты, средства транспорта и другие элементы культуры, обычно относимые нами к средствам человеческой деятельности, но и вся без исключения ценностно-целевая система общества»³¹.

В каждый отрезок времени в этнической культуре присутствуют новации, которые еще только получают распространение, и «архаизмы», которые постепенно вытесняются. Однако, при нормальном, органичном развитии этого процесса доля и «вес» новаций (будь то новые орудия, отрасли производства, ценности и т. д.) не угрожает системной целостности культуры: возникают новые связи между ее элементами. Примеры: распространение после контактов с европейцами коневодства у ряда индейских племен Северной Америки; распространение промышленной цивилизации в Японии.

Иное дело — патологический инновационный процесс. В этом случае рвутся (из-за неестественно быстрых темпов введения новаций) связи между элементами культуры, и вместо прогресса грозит деградация, которую непросто преодолеть. Примеры: распространение алкоголя у некоторых северных народов; коллективизация в СССР и индустриализация в ряде регионов нашей страны³²; распространение в некоторых развивающихся странах западных стандартов потребления без заимствования стандартов труда. В настоящее время проблема внедрения инноваций привлекает пристальное внимание государственных органов многих стран мира. Задачей обоснования органичности инновационного процесса занимаются большие группы специалистов.

Закон социального воспроизводства (эволюционного развития) как возрастающего разнообразия деятельности людей и структур социальных организмов применим, как мы полагаем, и к воспроизводству этносов с той разницей, что воспроизводство индивида осуществляется в первичной территориальной общности, а воспроизводство этноса — на всей этнической территории. Мы уже писали об этом выше, поэтому здесь лишь добавим, что принцип возрастающего разнообразия не должен противоречить органичности инновационного процесса. Так, по словам Л. И. Абалкина, «...если построить современный машиностроительный завод на голом месте, где раньше не было такого производства, допустим, в Средней Азии, то для формирования кадрового состава, обеспечивающего современный уровень технологии, потребуется двадцать пять лет»³³.

Важнейшую и в некоторых аспектах определяющую роль в реализации принципов органичности нововведений и возрастающего разнообразия играет политический организм; при этом оптимален такой, пространственные границы которого совпадают с этнической территорией. Ибо в этих случаях воспроизводственная политика осуществляется с наименьшими издержками и гарантируется воспроизводство именно данного этноса, без его трансформаций, слияний и т. д. Но это означает, что полиэтничные государственные образования только в том случае исторически устойчивы, когда они обеспечивают тот «прожиточный минимум» суверенных прав этносов, который необходим и достаточен для воспроизводства этноса как целостной системы, этноса в фазе «зрелости» — т. е. когда одновременно существуют единство территории (по крайней мере для этнического ядра) и целостность экономики.

И критические замечания, и некоторые конкретные предложения наших оппонентов странным образом исходят из того недоказанного предположения, что современные народы прошли этап «зрелости» и вступили в фазу «старения» или готовы добровольно пожертвовать своей национальной государственностью ради, скажем, прироста благосостояния или помощи другим народам на основе так понимаемого интернационализма.

Позицию наших критиков не укрепляют такие аргументы, как, скажем, перемещение этнической специфики из материально-хозяйственной сферы в духовную. Действительно, по форме, по проявлению в артефактах этническая специфика как бы исчезает из материальных основ образа жизни современных народов. Но если говорить не о форме, а о содержании процессов, протекающих в экономической жизни современного общества, то вектор имеет скорее обратную направленность: укрепляется именно международное, межкультурное разделение труда, что характерно и для человечества в целом, и для конкретных многонациональных обществ³⁴. Этот процесс позволяет каждому, даже немногочисленному народу равноправно войти в семью народов мира. Специалисты, изучающие тенденции развития общества, отмечают все возрастающую культурную дробность человечества и производственную специализацию каждого народа³⁵. Таким образом, как мы полагаем, существование этнических ядер и национальных государств в обозримой перспективе будет играть важную и прогрессивную роль.

Ресурсная база развития этносов. Успешное развитие народов, а следовательно и человечества в целом, может осуществляться лишь с опорой на прочную ресурсную базу³⁶. Во многом именно наличные ресурсы определяют направление и форму развития, пределы роста данной этносоциальной общности, а контроль над ресурсами является основой ее экономического суверенитета³⁷.

Каковы основные типы ресурсов?

Во-первых, земля, ее плодородие, а также флора и фауна данного региона. Быстрому истощению земли препятствует внедрение в практику земельной ренты, пока в нашей стране отсутствующей.

Во-вторых, полезные ископаемые. Понятно, что этот тип ресурсов не возобновляется. Наиболее интенсивное использование ресурсов земных недр началось в связи с развитием капитализма. К сожалению, экономическая политика в нашей стране по преимуществу не направлена на сбережение ресурсов этого типа.

В-третьих, солнечная энергия, атмосфера и атмосферные явления, Мировой океан и другие принципиально неотчуждаемые ресурсы. Именно их рациональное использование лежит в основе экологических движений и характерного для последних десятилетий осознания единства всего человечества (глобальное моделирование, «новое мышление»)³⁸. Эти ресурсы также подлежат оценке, формой которой являются, например, отчисления предприятий на охрану окружающей среды (т. е. в пользу территорий).

В-четвертых, информация³⁹. В современном обществе этот и следующий в нашем перечислении типы ресурсов являются важнейшими. Доля информационных технологий в развитых странах все возрастает, а традиционные технологии производства индустриального типа постепенно выносятся на периферию капиталистического мира. Отчуждение информации сейчас является одним из основных источников власти, поэтому в демократических обществах существуют специальные законодательные акты, гарантирующие получение информации (существует и необходимая для этого инфраструктура) и регулирующие действие средств массовой информации. Получение, хранение и продажа информации является, пожалуй, самым доходным бизнесом.

До недавнего времени в СССР информация не подлежала экономической оценке. В результате производители и владельцы информации (а это наиболее развитые в социально-экономическом отношении регионы и народы нашей

страны) несли большие потери за счет ее безвозмездной передачи в другие регионы. Ситуация стала меняться к лучшему лишь в 1987 г., когда в связи с постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О переводе научных организаций на полный хозяйственный расчет и самофинансирование»⁴⁰ научно-техническая продукция (разработка и услуги) фактически была признана товаром.

Наконец, пятый тип ресурсов — это сам человек, его трудовой потенциал: как сила мышц, так и сила интеллекта. В современном обществе именно человек — его интеллект, знания, способности, опыт, ценности и т. д. — является одним из ведущих факторов производства (см. концепцию человеческого фактора и теорию технотруктуры Дж. Гэлбрейта⁴¹). Этот тип ресурсов развития также подлежит экономической оценке, связанной с необходимостью воспроизводства рабочей силы данной квалификации.

Именно переход к постиндустриальной (информационной) технологии, т. е. к компьютерам, роботам, биотехнологии и т. д., привел к открытиям известного американского экономиста лауреата Нобелевской премии Т. Шульца, который создал учение о «человеческом капитале». Он доказал, что рост национального дохода в экономике современных стран в решающей степени зависит от объема капитальных вложений в умножение человеческого знания и профессионального мастерства. Сюда относятся затраты на общее и высшее образование, обучение без отрыва от работы, на здравоохранение, хозяйственную информацию и миграцию людей. Шульц предложил относиться к человеку как богатству, которое можно увеличивать посредством капиталовложений, и доказал, что продуктивность, эффективность, окупаемость таких капиталовложений существенно выше, чем обычных «внечеловеческих»⁴². Идеи Т. У. Шульца, по существу, — экономический вариант гуманистического предвидения К. Маркса о таком производстве, целью развития которого будет человек⁴³.

Очевидно, что первый — третий типы ресурсов доступны и этносам, отставшим в технологическом развитии. На первый взгляд, их использование не имеет этнического аспекта, но это не так. Традиционные системы жизнеобеспечения «требуют» разных объемов конкретных видов ресурсов для получения одного и того же (по количеству и качеству) полезного эффекта. Отсюда следует, что структура этновоспроизводящих ресурсов для достижения оптимума в этническом развитии всегда индивидуальна и специфична. Поэтому в многонациональных обществах возникают два типа проблем:

а) борьба за ресурсы, особо важные для конкретных этносов, но становящиеся дефицитными для данного уровня экономического развития;

б) противоречия между этносами, которые вызваны коренными различиями в иерархии потребностей в процессе освоения гаммы ресурсов, расположенных на конкретной территории.

Что же касается четвертого, а особенно пятого типа ресурсов, то они обладают замечательными общими свойствами. Во-первых, их потребление не приводит к конфликтам, ибо они имманентны этносу и не задевают интересов других этносов. Во-вторых, они обладают способностью наращивания в процессе использования. Поэтому рост творческого потенциала этносов и переход их на информационную экономику при соответствующей социальной политике и постепенной победе провозглашенного М. С. Горбачевым нового мышления означает гармонизацию межнациональных отношений, снятие многих напряженностей и конфликтов прежних времен.

Предложенная нами логика анализа межнациональных конфликтов предполагает, что их возникновение и развитие во многом связано с централизованной ресурсной политикой, проводимой тем или иным многонациональным государством, и отражает ее. Так, например, ресурсная политика СССР служит питательной почвой для возникновения межнациональных конфликтов. Действительно, до последнего времени для нашей страны характерна ориентация на экстенсивное использование (и быстрое истощение) ресурсов первого

и второго типов. Так, с 1960 по 1987 гг. добыча нефти возросла в СССР с 14 до 22% мировой добычи (за эти же годы в развитых капиталистических странах она упала с 37 до 25%), добыча природного газа — с 9 до 38% (соответственно в развитых странах капитализма понизилась с 83 до 44%), производство чугуна возросло с 18 до 22% (при падении в развитых капстранах с 62 до 45%) ⁴⁴ и т. д. Соответственно в условиях экстенсивной ресурсной политики в СССР воспроизводится устаревшая структура занятости (табл. 1) и тормозится переход на преимущественное использование ресурсов четвертого и пятого типов (табл. 2).

Таблица 1

Распределение населения, занятого в хозяйстве страны, по отраслям производства (без учащихся, %)*

Страны	Годы	Всего занятых в материальном производстве	В том числе:			Занятые в нематериальном производстве:	
			В промышленности и строительстве	В сельском и лесном хозяйстве (включая личное подсобное хозяйство)	На транспорте и связи	В торговле и общественном питании, в материально-техническом снабжении, сбыте и заготовках	В других отраслях хозяйства (наука, культура, здравоохранение, управление)
СССР	1970	71	38	25	8	7	22
	1987	66	38	19	9	8	26
США	1970	45	34	5	6	20	35
	1987	36	27	3	6	21	43
Япония	1970	59	36	17	6	20	21
	1987	48	34	8	6	23	29

* Составлено по: СССР и зарубежные страны. С. 53—54. Распределение населения СССР по отраслям производства соответствует формам учета, принятым в зарубежной статистике.

Таблица 2

Производство электронно-вычислительной техники и ее доля в валовом национальном производстве, 1987 г.*

Страны	Объем ВВП	Стоимость произведенной электронно-вычислительной техники	Доля (%) стоимости произведенной электронно-вычислительной техники в ВВП
СССР	825 млрд. руб.	5,538 млрд. руб.	0,67
США	4527 млрд. долл.	205,3 млрд. долл.	4,54
Великобритания	786 млрд. долл.	17,8 млрд. долл.	2,26
Япония	1806 млрд. долл.	104,2 млрд. долл.	5,77

* Рассчитано по: СССР и зарубежные страны. С. 48; Промышленность СССР: Стат. сб. М., 1988. С. 184; Экономическое положение капиталистических и развивающихся стран. Обзор за 1987 г. и начало 1988 г. М., 1988. С. 75. Стоимостные показатели по СССР дают лишь приблизительную картину за счет высоких цен и низкого качества наших ЭВМ. Кроме того, по СССР учитывались не только готовые ЭВМ, но и запасные части к ним.

Централизация (унитаризация) ресурсной политики имеет еще один недостаток, о чем нам приходилось писать и раньше. Так как приоритеты экономического развития различных народов связаны с уникальностью их ресурсной базы и объективной возможностью включать в экономический оборот новые типы ресурсов, то очевидно, что универсальным законом развития человечества является его неравномерность, наличие, с одной стороны, «точек роста», передовых центров, а с другой — относительно (а иногда и абсолютно) отсталой периферии, которая, усваивая достижения передовых центров и опираясь на

собственную ресурсную базу, стремится вырваться вперед. Лидеры в этом процессе могут меняться, но необходимость и важность подобного лидерства не подлежит сомнению. Отсутствие экономической самостоятельности республик (народов) СССР имело следствием, во-первых, унификацию экономического роста, стремление «подравнять» все республики под некий «эталон» (которым могла выступать, например, структура народного хозяйства и занятости отдельных республик, таких как Латвия, Эстония, РСФСР). Во-вторых, долгие годы доминировало стремление к сближению республик по уровню социально-экономического развития, которое на практике выражалось в перераспределительных отношениях между республиками через госбюджет. Неэффективность, расточительность этой политики мы и пытались доказать статьей в журнале «Коммунист». Мы предполагаем, что отрицание всеобщности закона неравномерного развития препятствует достижению динамического соревновательного роста республиканских народно-хозяйственных комплексов.

Интернационализация экономики и формы экономических связей между народами (интеграция против унитаризма). Если этносы — саморазвивающиеся единицы человечества, опирающиеся в своем развитии на специфическую ресурсную базу, то общий прогресс человечества зависит от того, как организовано взаимодействие между ними. Взаимоотношения между национальными экономическими комплексами подчиняются одной мировой тенденции — их все возрастающей специализации и углублению международного (всемирного) разделения труда⁴⁵. По существу этот процесс ведет к созданию единой мировой экономической системы, при которой всемирное разделение труда становится исходной и обязательной предпосылкой производства и ни одной стране не выгодно производить всю номенклатуру продукции, «иметь все свое». «Эффективное развитие национальных промышленных комплексов становится возможным только на пути активного использования преимуществ всемирного разделения труда»⁴⁶.

Отсюда следует, что конституирование национальных экономических комплексов, их суверенитет и опора на собственные уникальные ресурсы, их специализация — неперемнное условие экономического прогресса как в мировом масштабе, так и в рамках многонациональных государств. И наоборот — элиминирование национальной экономической специфики может иметь резко негативные последствия.

Опыт истории показывает, что существуют две основные формы организации экономических взаимоотношений между народами в условиях интернационализации экономики: унитаризм и интеграция. Рассмотрим их подробнее.

Унитаризм экономической жизни предполагает существование единого центра государственной власти, который «стягивает» основные, а иногда и большинство функций управления хозяйственной жизнью многонационального государства. Следствием централизма становится унификация форм собственности (всеподавляющий приоритет государственной формы), социальных структур и социальной политики, характера и уровней социально-экономического развития и т. д. вплоть до языка и культуры. Унитаризм базируется на неразвитости товарного производства и рынка.

В определенных исторических ситуациях унитаризм имеет свои преимущества, так как может способствовать концентрации ресурсов и усилий всего общества на решении ограниченного круга задач. Но при унитаристской форме организации экономической жизни невозможно организовать нормальное (т. е. адекватное притязаниям) функционирование общественного организма, так как «центр» не в состоянии предусмотреть все особенности, нюансы, полутона человеческого бытия. Не имеет «центр» и адекватных механизмов соотношения затрат и планируемого результата, признанных им приоритетов и издержек для их достижения. В результате истощается ресурсная база общества, и оно начинает «проедать» ресурсы будущих поколений.

Главный же бич бюрократической централизации (унитаризма), как мы полагаем, — это высокий уровень «нереализованных возможностей», значительно превосходящий эффект интеграции. Причина этого печального «накопления» — недемократическая, авторитарная форма принятия решений по основным вопросам экономического развития. Применительно к теме данной статьи следует говорить о «нереализованных возможностях» саморазвития народов, которые в некоторых случаях, опираясь на сравнения, можно и оценить. Так, Финляндия и Эстония к 1917 г. имели сходные стартовые позиции (даже с преимуществом в пользу Эстонии). Народы этих стран — близкие родственники, родственны и их культуры. Однако разные исторические пути обоих народов после 1917 г. обусловили серьезное опережение Финляндии (табл. 3). Поэтому в сознании жителей Эстонии закономерно возникло и существует представление о том, что не все потенциальные возможности этой маленькой республики реализовались, что сложилась судьба этой земли в до- и послевоенное время иначе, итог был бы другим.

Таблица 3

Некоторые показатели уровней развитости СССР в целом, Эстонской ССР и Финляндии *

Показатели	СССР	Эстония	Финляндия
Годовой рост произведенного национального дохода на душу населения, 1986—1987 гг., %	2,2	3,3	7,8
Продолжительность рабочей недели, 1986 г., часов	40,4	40,4	31,9
Число учащихся в вузах на 10 000 жителей, 1985—1986 уч. год	185	153	183
Урожайность зерновых и зернобобовых, 1987 г., центнеров с гектара	18,3	32,3	23,2
Удой молока от одной коровы, 1987 г., кг	2508	4103	5000
Ожидаемая продолжительность жизни при рождении (мужчины и женщины), 1986 г., лет	69,02	70,4	75
Детская смертность (число детей, умерших в возрасте до 1 года, на 1000 родившихся) 1986 г.	25,4	16,0	6,0

* Источники: Народное хозяйство СССР в 1987 г.: Статистический ежегодник М., 1988. С. 16, 188, 350; СССР и зарубежные страны. С. 45, 57, 89—90, 198, 234, 352; Народное хозяйство СССР за 70 лет: Юбилейный статистический ежегодник. М., 1987. С. 550; Сельское хозяйство СССР: Статистический сб. М., 1988. С. 317; Население СССР. 1987: Статистический сб. М., 1987, С. 346, 353, 360.

В условиях опосредованности «центром» взаимоотношений между субъектами экономической деятельности (от трудовых коллективов до республиканских экономических комплексов) и их зависимости от источников власти все спорные, сложные вопросы, проблемные ситуации во взаимоотношениях между субъектами хозяйствования не решаются своевременно, откладываются «на потом», накапливаются. Так унитаристская экономическая система своим функционированием готовит «горючий материал», почву для конфликтов (которые зачастую принимают национальную форму), т. е. «работает на износ».

Отсюда — стремление к экономической автаркии, проявляющееся и в сверхнормативных запасах на предприятиях, и в изоляционистских тенденциях национальных экономических комплексов. Пример последних привел эстонский экономист М. Бронштейн. По его словам, в Эстонии «появились прообразы внутренней таможни: запреты на посылки и прием в багаж дефицитных товаров». В Тарту «ввели продажу мясопродуктов лишь по предъявлении справки, удостоверяющей проживание в городе. Фактически в таможню превратились магазинный прилавок. Чисто по-житейски такие попытки понять можно. Когда человек видит, что магазинный прилавок все беднеет, а мясопродукты из республики вывозятся..., у него появляется желание „съесть все самому“. Но специалисту ясно, что это невозможно, да и невыгодно»⁴⁷. Специалисту ясно также, что это стремление к автаркии субъектов хозяйствования — неизбежное следствие

унитаризма, расплата за отсутствие самостоятельности. Унитаристски организованная интернационализация экономической жизни, таким образом, идет вразрез с тенденциями всемирного разделения труда.

Политическим коррелятом экономического централизма является «единое — неделимое» (унитарное) многонациональное государство, каким стал к настоящему времени СССР.

Экономическая интеграция — «...объективный процесс развития устойчивых взаимосвязей и разделения труда между национальными хозяйствами, их приспособление друг к другу в целях наиболее эффективного использования своих ресурсов»⁴⁸. Уже это определение показывает, что она строится на иных принципах, нежели экономический унитаризм. Рассмотрим эти принципы⁴⁹.

Во-первых, это сохранение самостоятельности, экономического суверенитета народов, т. е. в первую очередь — контроля над своими ресурсами.

Во-вторых, это добровольность и взаимная выгода интеграции. В прессе последних лет часто встречается такой аргумент, что если процесс интеграции отражает мировые тенденции развития хозяйства, то неужели нам существенно отступать от достигнутого уровня централистски ориентированной интеграции⁵⁰. При этом не учитывается, что добровольность и выгода советской интеграции пока не очевидны для жителей большинства республик СССР.

В-третьих, — разделение функций (компетенции) на всех уровнях (от местных властей до общих органов интеграции) и добровольная передача части хозяйственных функций снизу вверх. Задачи общих органов интеграции — согласование интересов, проведение общей социальной и структурной политики и некоторые другие, для выполнения которых нужен широкий «горизонт». Эти задачи гораздо уже функций унитаристского «центра», но тем успешнее и квалифицированнее они могут быть выполнены.

В-четвертых, — сравнимость потенциала и сходность уровней социально-экономического развития участников интеграции, что лежит в основе равноправности партнеров, но, конечно, не может быть выполнено полностью. Так, в Западной Европе уже в течение длительного времени основную тяжесть общих расходов ЕЭС несут Великобритания, ФРГ, Франция⁵¹. В результате уровень жизни стран-участников интеграции постепенно выравнивается, но это не угрожает существованию и появлению «новационных центров».

В-пятых, интеграция базируется на рыночном хозяйстве современного типа (с регулируемым рынком), которое позволяет соотнести интересы и реальные возможности партнеров. Естественно, что развитый рынок пересекает таможенные барьеры и государственные границы.

Государственными формами экономической интеграции являются: союз государств или созное государство (конфедерация и федерация). Эти формы, как мы полагаем, отражают территориальные масштабы интеграции. Так, если Западная Европа в целом эволюционирует в направлении союза государств, то внутри нее Бельгия — к созданию федерации. Интересен пример Бельгии, где основные функции управления постепенно с 1971 г. передаются национальным регионам, а за центральной властью сохранены полномочия в области внешних государственных сношений, обороны, безопасности, финансово-валютной политики и в общих вопросах поддержания правопорядка в стране. Остаются за центром также некоторые вопросы управления экономикой и социальной политикой с ведома и под контролем парламента⁵².

Каковы преимущества и позитивные последствия перехода к интеграции по сравнению с унитаристской формой организации экономических связей между народами? На наш взгляд, это активизация самоуправления и саморазвития народов; оптимизация республиканской структуры отраслей народного хозяйства и использования ресурсной базы (включая национально-культурные особенности работников); ускоренное развитие всего Союза за счет выделения передовых (новационных) центров, тиражирования и усвоения (адаптации) передового опыта; активизация инновационной, структурной и социальной

политики центральных (общесоюзных) органов; сбалансирование интересов и возможностей участников интеграции и на этой основе углубление разделения труда; уменьшение межнациональной конфликтности и улучшение отношений между народами СССР на базе эквивалентного (по ценам мирового рынка) и прямого (без опосредования центром) обмена ресурсами; активизация в республиках социальной и природоохранительной политики — при опоре на собственные возможности и с учетом кредитов из общих средств интеграции.

Заключительные заметки. Спор по вопросам национального развития и национальных отношений органично вписывается в многостороннюю дискуссию относительно прошлого, настоящего и будущего страны по основным направлениям ее развития. Ключевой является проблема оценки того общества, которое возникло к началу 30-х гг. и сохраняется и поныне. Мало кто рискует продолжать линию на его всемерное восхваление, но совсем не мало тех, кто, признавая ошибки и деформации, оценивает наш прошлый путь как подлинно социалистический в своем ядре, основе, сути. Мы принадлежим к сторонникам иной позиции.

Пора, наконец, до конца и безжалостно разделаться с миражами и иллюзиями. За так называемой командно-административной системой или, в иной терминологии, — казарменным социализмом, командно-нажимной системой, скрывался строй лишь с некоторыми социалистическими компонентами. Если идти по виткам исторической спирали назад, аналогом будет государственный способ производства на Востоке³⁴. Можно именовать современный государственный способ производства государственным социализмом, государственно-монополистическим социализмом или, что точнее, этакратическим способом производства. Но факт остается фактом — между капитализмом и социализмом реально «вклинились» особые, далеко не эгалитарные, общественные отношения, где собственность — есть функция власти, лишь идеологически провозглашенная общенародной собственностью. Отсюда и особый феномен — советская бюрократия, которая концентрирует в руках и политическую власть, и распорядительные функции в экономике. Отсюда и всевластие ведомств. Идеологией этих общественных отношений является сталинизм во всех его ипостасях, вплоть до своей пародии — брежневизма. Сталинизм — антимарксистское, антиленинское и, наконец, антисоциалистическое учение, целостное в своей защите этакратии, ее интересов.

Именно в этом контексте следует рассматривать национальный вопрос у нас в стране. Соответственно принципам этакратизма, начиная с середины 20-х гг. в СССР шел процесс формирования унитарного государства с бюрократически-централистской системой управления экономикой. Ленинские федералистские принципы хозяйственного строения Союза были в основе своей к 1930 гг. разрушены. Противники такой политики обвинялись в национализме и физически (или политически) уничтожались.

Как быть, как действовать в этих обстоятельствах, когда появился великий шанс выйти из тупика?

Прежде всего речь должна идти о восстановлении демократических принципов построения СССР именно как союза суверенных республик, взаимодействующих на основе союзного договора. Хозяйственная сторона этих отношений должна опираться на республиканский экономический суверенитет. Последний достигим лишь при следующих условиях: совершенствовании хозяйственного механизма (в первую очередь достижения оптимального соотношения плановой и рыночной форм экономических связей); развитии хозрасчета на уровне предприятия, объединения, отрасли; реформе ценообразования (включая введение экономической оценки земли, других природных богатств, а также трудовых ресурсов; установление цен на продукцию информационной сферы) и введении цен эквивалентного обмена; поощрении разнообразия форм общественной собственности и видов трудовой деятельности.

Введение экономического республиканского суверенитета, возможно, приведет к дальнейшему углублению неравномерности социально-экономического развития регионов и республик СССР.

Однако этого не стоит пугаться. Новые экономические отношения будут стимулом роста производства, обеспечат увеличение экономического потенциала не только республик, но и Союза.

Совершенствование экономических основ национальных отношений тесно увязано с вопросом сокращения военных расходов. Если мы будем сохранять военные расходы на уровне, превышающем в несколько раз таковые затраты других государств, то достаточно ресурсов для решения внутренних проблем, в том числе национальных, мы не получим.

За опасениями по поводу уничтожения унитаризма как воплощения этатристической системы в сфере межреспубликанских отношений стоит по существу стремление к эволюционному, выгодному бюрократии переустройству национальных отношений. Говоря о воссоздании союзнических принципов построения нашего государства, мы должны понимать, что речь идет о демократически-революционном, антибюрократическом варианте перестройки национальных отношений. Третьего не дано. Или или. Или с бюрократами во всем «медленным шагом, робким зигзагом», или с передовыми силами общества динамично и решительно к новым отношениям действительно социалистического и гуманного типа.

Примечания

¹ См.: Бромлей Ю. В. Национальные проблемы в условиях перестройки // Вопросы истории. 1989. № 1; Тишков В. А. Народы и государство // Коммунист. 1989. № 1; Чешко С. В. Экономический суверенитет и национальный вопрос // Коммунист. 1989. № 2.

² См.: НТР и национальные процессы / Отв. ред. О. И. Шкаратан. М., 1987. С. 5—36; Шкаратан О. И., Коротева В. В. Формы хозяйствования и национальное развитие: преодоление стереотипов // История СССР. 1988. № 4; Шкаратан О. И., Перепелкин Л. С. Экономический рост и национальное развитие // Экономика и организация промышленного производства. 1988. № 10.

³ Правда. 1989. 14 мар.

⁴ При этом не исключается экономическая специализация небольших по численности народов при условии высокой содержательности труда.

⁵ Например, см.: Литвинова Г. И юридическое и фактическое равенство // Родина. 1989. № 2. С. 73.

⁶ Тишков В. А. Указ. раб. С. 59; также см.: Чешко С. В. Указ. раб. С. 102—103; Бромлей Ю. В. Указ. раб. С. 30.

⁷ Можно приравнять, хотя с огромной долей условности, этническую территорию к государственной (республиканской) территории. Иными словами, этнической территорией мы называем ту, на которую распространяется суверенитет данного народа и его государства, его право на самоопределение. Попутно отметим, что мы не рассматриваем проблем дисперсных и мигрантских этнических групп, малых народов, не имеющих своего государства.

⁸ Тишков В. А. Указ. раб. С. 58.

⁹ Чешко С. В. Указ. раб. С. 103.

¹⁰ Тишков В. А. О концепции перестройки межнациональных отношений в СССР // Сов. этнография. 1989. № 1. С. 85—86.

¹¹ См.: Макарян Э. С. Теория культуры и современная наука: логико-методологический анализ. М., 1983.

¹² См.: Арутюнов С. А., Чебоксаров Н. Н. Передача информации как механизм существования этносоциальных и биологических групп человечества // Расы и народы. М., 1972. Вып. 2. Также см.: Моль А. Социодинамика культуры. М., 1973.

¹³ Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М., 1983. С. 62—63.

¹⁴ Бромлей Ю. В. Национальные проблемы в условиях перестройки. С. 30.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. С. 26.

¹⁷ Там же. С. 30. См. также: Чешко С. В. Указ. раб. С. 103; Тишков В. А. Народы и государство. С. 55.

¹⁸ Развитие системы включает ее воспроизводство, но последнее не обязательно есть развитие, понимаемое как «необратимое, направленное, закономерное изменение материальных и идеальных объектов». См.: Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 561.

¹⁹ См., например: Андрианов Б. В. Исторический прогресс: хозяйственно-культурные аспекты // Природа. 1986. № 3. С. 75. Приведем также мнение Н. Бердяева: «Национальность есть индиви-

дуальное бытие, вне которого невозможно существование человечества... Всякая национальность есть богатство единого и братски объединенного человечества, а не препятствие на его пути». См.: *Бердяев Н.* Судьба России // *Родина*. 1989. № 2. С. 64—65.

²⁰ Этот подход к проблеме развития человечества далеко не нов. Например, см.: *Соловьев В. С.* Сочинения в двух томах. М., 1988. Т. 2. С. 140—178.

²¹ Под территориальной общностью мы понимаем исторически сложившуюся находящуюся в непрерывном развитии устойчивую социально организованную совокупность людей, объединенных единством проживания на одной хозяйственно освоенной территории. См.: *Этносоциальные проблемы города*. М., 1986. С. 20, 276—279; *Шкаратан О. И.* О принципах изучения функций, содержания и структуры внепроизводственной деятельности // *Сов. этнография*. 1984. № 6, Краткий словарь по социологии. М., 1989. С. 210.

²² *Леонтьев А. Н.* Проблемы развития психики. 3-е изд. М., 1972. С. 184—209, 401—426. М. Полани выделяет третий способ усвоения опыта — невербальное научение в отношениях «учитель — ученик». По мнению М. Полани, разрушение традиции самым болезненным образом сказывается на прекращении этого потока культурной информации. См.: *Полани М.* Личностное знание. На пути к посткритической философии. М., 1985. С. 82—102.

²³ См.: *Чеснов Я. В.* Ранние формы этнонимов и этническое самосознание // *Этнография имен*. М., 1971.

²⁴ См.: *Гончаренко Н. В.* Диалектика прогресса культуры. Киев, 1987. С. 147; *Арутюнов С. А.* Этнографическая наука и изучение культурной динамики // *Исследования по общей этнографии*. М., 1979 (в данном случае центром и периферией выступают социальные группы).

²⁵ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 39. С. 74.

²⁶ *Бердяев Н.* Философия неравенства. Письма к недругам по социальной философии. 2-е изд. Paris, 1970. С. 83.

²⁷ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 6. С. 183.

²⁸ Об этом см.: *Гончаренко Н. В.* Указ. раб. С. 271—322.

²⁹ Такова, например, идея Сталина о «зональных» языках и народах и их дальнейшем слиянии «после победы социализма во всемирном масштабе». См.: *Сталин И.* Марксизм и вопросы языкознания. М., 1950. С. 53—54.

³⁰ См.: *Шкаратан О. И., Перепелкин Л. С.* Экономический рост и национальное развитие; *Шкаратан О. И.* О принципах изучения функций, содержания и структуры внепроизводственной деятельности // *Сов. этнография*. 1984. № 6; *Этносоциальные проблемы города*. Ч. 1. Гл. 1.

³¹ *Маркарян Э. С., Арутюнов С. А., Барсегян И. А. и др.* Культура жизнеобеспечения и этнос. Опыт этнокультурологического исследования (на материалах армянской сельской культуры). Ереван, 1983. С. 22—23.

³² В этом отношении более органичным путем был предложенный В. И. Лениным нэп.

³³ *Абалкин Л. И.* Стратегия обновления // *Огонек*. 1989. № 13. С. 18

³⁴ Для характеристики этих процессов в американской науке введен специальный термин — «культурное разделение труда». См.: *Таболкина Т. В.* Этническая проблематика в современной американской науке. Критический обзор основных этносоциологических концепций. М., 1985. С. 105—110. НТР и национальные процессы. Гл. 3, 7, 18.

³⁵ См.: *Тоффлер О.* Раса, власть и культура // *Новая технократическая волна на Западе*. М., 1986. С. 276—288; *Моритани М.* Современная технология и экономическое развитие Японии. М., 1986.

³⁶ Под ресурсами мы, вслед за Э. Б. Алаевым, понимаем «...энергию, вещество, информацию, вырабатываемые вне данной (т. е. общественной.— Л. П. и О. Ш.) системы и служащие для нее исходным материалом функционирования, развития, существования». См.: *Алаев Э. Б.* Социально-экономическая география. Понятийно-терминологический словарь. М., 1983. С. 59—60. Согласно другой, более общей точке зрения, все виды ресурсов являются преобразованными формами энергии. См.: *Одум Г., Одум Э.* Энергетический базис человека и природы. М., 1978.

³⁷ В этом мы согласны с В. А. Тишковым, который писал о «праве народов на контроль за использованием природных богатств и ресурсов территорий их проживания». См.: *Тишков В. А.* Народы и государства. С. 56. Ресурсная политика занимает важное место в программах сформированных в СССР народных фронтов. См.: Народный конгресс. Сборник материалов конгресса Народного фронта Эстонии. 1—2 октября 1988 г. Таллин, 1989. С. 178—181.

³⁸ См.: *Печчеи А.* Человеческие качества. М., 1985; *Горбачев М. С.* Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М., 1988.

³⁹ «Информацию правомерно рассматривать в качестве ресурса нового вида со специфическими параметрами эффективности, который может быть использован для замещения живого труда, сырья и энергии... Информация не расходуется в результате ее использования, а ее расширение фактически не имеет ограничений». См.: *Микроэлектроника — ключевая технология*. М., 1987. С. 115—116.

⁴⁰ См.: *Правда*. 1987. 17 сентября.

⁴¹ *Гэлбрейт Дж.* Новое индустриальное общество. М., 1969. С. 100—114.

⁴² См.: *Фекете Д.* Ограбление будущего. Размышления о новой форме эксплуатации // *Иностранная литература*. 1988. № 5. С. 188—203; № 6. С. 195—213.

⁴³ Добавим, что исследования наших зарубежных коллег, да и некоторые наши собственные изыскания позволяют вполне определенно утверждать, что «человеческий фактор» или «человеческий капитал» имеет весомую этнокультурную составляющую, влияние которой тем более существенно, чем далее по пути внедрения «высоких» технологий продвинулось общество. Как известно, в нашей стране процесс перехода к постиндустриальным технологиям еще только начался,

поэтому преимущества «культурного» разделения труда пока не очевидны и игнорируются в экономической политике. По этому вопросу см.: НТР и национальные процессы.

⁴⁴ См.: СССР и зарубежные страны. 1987: Статистический сб. М., 1988. С. 11—17.

⁴⁵ См.: Рюгемер В. Новая техника — старое общество. Кремниевая долина. М., 1988. С. 188—193; Политическая экономия: учебник для вузов / Медведев В. А., Абалкин Л. И., Ожерельев О. И. и др. М., 1988. С. 634—637.

⁴⁶ Политическая экономия. С. 634—635.

⁴⁷ Бронштейн М. Региональный хозрасчет: нужны трезвость и доказательность // Коммунист. 1989. № 5. С. 63—64.

⁴⁸ См.: Дзарасов С. С. Политическая экономия. М., 1988. С. 396.

⁴⁹ Частично они были рассмотрены в работе: Бутенко А. П. Социализм как мировая система. М., 1984. С. 255—260. Мы привлекали также опыт западноевропейской интеграции. См.: Проблемы западноевропейской интеграции. Сб. науч.—аналит. обзоров. М., 1987. Западная Европа — эволюция экономической структуры / О. С. Борисова, А. М. Волков, Е. И. Горохова и др. М., 1988.

⁵⁰ См.: Примаков Е. Региональный хозрасчет: опыт и проблемы // Правда. 1988. 4 дек.; Колесниченко Т. Когда наступит «день Икс» // Правда. 1988. 13 фев.

⁵¹ См.: Проблемы западноевропейской интеграции. С. 95—130.

⁵² Харланов Ю. Долгий путь к федерации. Что случилось в Бельгии // Правда. 1989. 9 мар.

⁵³ См.: Васильев Л. С. Государство и государственный способ производства в древнем Китае // Двенадцатая научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. М., 1981. Ч. 1. С. 35—46.